

Информационный ресурс власти: «первый среди равных»

Анастасия Рыжова-Поволоцкая

Теория политической модернизации, получившая научное признание в 40-х – 50-х годах, непосредственным образом связана с происходившими в тот период процессами демократизации политических режимов в различных государствах мира.

В современной политической науке пока нет признанного научной корпорацией определения политической модернизации.

Наиболее общее определение данного процесса содержится в английском *“The Fontana Dictionary of Modern Thought”*.

В частности, в нем говорится, что “модернизация – это термин, используемый, например, С.Айзенштадтом и В.Ростоу для обозначения всех типов развития в современном обществе, которые последовали в ходе индустриализации и механизации”¹.

В то же время, приведенное выше определение, на наш взгляд, не совсем точно отражает существо данного процесса и его направленность.

Как пишет современный российский исследователь, специалист в области транзитологии В.П.Милецкий, “само понятие «модернизация» появилось в связи с тем, что иные понятия, которыми пытались описывать и объяснять масштабные изменения общества оказались неадекватными”².

Так, например, часто употребляемые в публицистике термины “индустриализация” и “вестернизация” не охватывают весь спектр общественных преобразований.

В политической науке еще с начала столетия ведутся активные дискуссии, целью которых является выявление специфики и характера глобальных трансформаций, потрясших мир в XX в.

РЫЖОВА-ПОВОЛОЦКАЯ Анастасия Юрьевна – аспирант факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета.

Ключевые слова: политическая модернизация, ресурсы власти, информационный ресурс, медиа, формирование общественного мнения.

Итоговый успех государств, относящихся к демократическому сообществу, а также интеллектуальная доминация в политологии представителей англо-американской школы с ее ярко выраженной тягой к обоснованию “линейности” исторического развития, привели к тому, что постепенно в политической науке утвердилось точка зрения о модернизации как процессе изменений в направлении типа общественной системы, развившегося и утвердившегося в “цивилизованных” странах Запада (прежде всего, США)³.

Здесь модернизация выступает в виде перманентного процесса системных и долгосрочных демократических изменений, охватывающего не только страны Центра (развитые страны Запада), но также полупериферию (Россия, Япония и др.) и периферию (страны Латинской Америки, Африки, подавляющее большинство стран Азии)⁴.

В частности, по мнению С.Хантингтона, в XIX–XX вв. мир испытал три волны модернизации, *первая* из которых начала свое победное шествие в Соединенных Штатах Америки в начале XIX в. и продолжалась до Первой мировой войны, когда модернизационные процессы прервались и был актуализирован тоталитарный и авторитарный “откат”.

Следующий этап модернизации стал возможен после “победы над фашизмом во Второй мировой войне, возврата к демократии в побежденной Германии (Западной), Италии, Японии, восстановления демократии в Австрии, распространения демократических институтов на ряд развивающихся стран в результате их деколонизации”. Эта волна продолжалась вплоть до середины 60-х годов, после чего в мире вновь возобладали авторитарные тенденции.

Третий этап непосредственно связан с крушением биполярной системы, развалом “лево-тоталитарной” социалистической системы и окончанием “холодной войны”⁵.

Как явление цивилизационного процесса характеризует модернизацию А.С.Ахиезер, который полагает, что в ее реализации “происходит переход от традиционной цивилизации к либеральной, от общества, нацеленного на воспроизводство на основе некоего статичного идеала, к обществу, рассматривающему повышение эффективности форм деятельности, развитие способностей личности к собственному саморазвитию как основе общественной динамики”⁶.

Несколько с иной точки зрения трактует модернизационные процессы М.А.Чешков, который предлагает рассматривать модернизацию “в рамках и масштабах становления мироцелостности в той или иной ее исторической разновидности”⁶. При этом данный процесс ведет к становлению индустриального

способа производства, дифференциации социума на отдельные, автономные сферы, которые начинают самовоспроизводить себя и совершенствоваться.

Объединить же все эти точки зрения попытался Л.А.Седов, который определяет модернизацию как “глубинный и многоуровневый процесс трансформации и политической системы, и социальной системы, и повседневной жизни... преобразование ценностных систем общества и даже структур индивидуального мышления и личностной организации в направлении секулярно-рационального подхода к миру, утверждения «достижительных» ориентаций человеческой деятельности, снятия традиционалистских барьеров и традиционалистских способов регуляции”⁶.

Модернизация переходных обществ (если речь идет о “демократическом

транзите”) всегда характеризуются серьезными политическими и социально-экономическими изменениями и “ломкой” традиционных устоев (в том числе, политических и мировоззренческих) подавляющего большинства населения. При этом замена одного политического режима на другой и одной идеологии на противоположную способны породить своего рода “мировоззренческий вакуум”, который могут заполнить не только либеральные, но, в случае поражения или неэффективности реформаторской линии, и радикальные идеи.

Кроме того, проведение в жизнь непопулярных мер неизбежно влечет за собой снижение рейтингов властвующих элит и общественной поддержки их деятельности. Поэтому от руководства стран, находящихся в “переходной стадии”, требуется очень гибкое и дифференцированное использование политических ресурсов для того, чтобы обеспечить успех преобразований и при этом сохранить хотя бы относительную стабильность в обществе.

Власть обладает 4 основными ресурсами, позволяющими ей осуществлять управление и контролировать ситуацию в стране:

- силовыми (принудительными);
- материальными (утилитарными);
- нормативно-правовыми;
- информационными.

Иногда еще для “переходных обществ” выделяют административный ресурс.

Силовой ресурс, представляющий собой совокупность мер принудительного воздействия на граждан для обеспечения выполнения распоряжений власти, в условиях переходной эпохи является не слишком надежным и эффективным по двум причинам:

Во-первых, армия, госбезопасность, милиция (полиция) являются сами по

себе консервативными, иерархичными и недемократическими институтами, которые “до последнего” сопротивляются преобразованиям и поэтому, в условиях радикальных реформ являются не слишком лояльными и преданными “модернизационному проекту”;

– *во-вторых*, практически любое использование силового ресурса в переходную эпоху влечет за собой отказ от ненасильственного плана демократизации с ростом авторитарных тенденций во взаимоотношениях государства и общества.

При этом (особенно в случае систематического использования силового ресурса) власть существенно теряет в поддержке населения, поскольку демонстрирует свое желание идти “по пути наименьшего сопротивления” или же неумение эффективно использовать всю совокупность своего ресурсного потенциала.

Если говорить о ресурсах *утилитарных*, то возможности власти на данном направлении также существенно ограничены.

Процесс модернизации чаще всего сопровождается серьезными финансовыми трудностями, связанными с кардинальной перестройкой экономики и ее переходом на рыночные рельсы. В таких жестких условиях “внутренних” материальных ресурсов явно не хватает для “покупки лояльности” электората и “превентивных” социальных выплат накануне выборов. Что же касается внешних заимствований, которые в большинстве случаев сопровождают процесс политической модернизации (особенно “отраженной”), то их целевое назначение четко прописано в рекомендациях иностранных кредиторов и эти средства в своем большинстве направляются на макроэкономические преобразования.

Применительно к переходным обществам нельзя не учитывать и фактор

коррупции: финансовые ресурсы правящие элиты трактуют как “собственные” и стремятся их “эффективно осваивать” в корыстных целях, нередко игнорируя объективные потребности поддержания стабильности системы. Более того, многие представители “переходных” элит рассматривают преобразования как возможность “первоначального накопления капитала” и психологически не ориентированы на долгосрочное властвование.

Отсюда – регулярный дефицит финансовых средств для стимулирования лояльности населения и ограниченность материальных возможностей для “покупки голосов” в период выборов.

Еще один ресурс власти – *нормативно-правовой* – также не является эффективным в период кардинальных социальных трансформаций.

Прежде всего, “переходное время” провоцирует кризис легитимности и легальности. Легитимность существенно бывает подорвана в ходе реализации непопулярных мер политического и социально-экономического развития страны (например, в Российской Федерации курс “шоковой терапии” правительства Е.Гайдара). Соответственно, законы и распоряжения, инициированные властью, воспринимаются массами как “антинародные”, таящие “эгоистическую” составляющую.

Таким образом, кризис легитимности провоцирует и кризис легальности власти и не дает ей эффективно использовать нормативно-правовой ресурс.

Кроме того, нельзя не учитывать и правовой нигилизм граждан, сопровождающий радикальное реформирование. Форсированное изменение “правил игры”, слабый контроль за исполнением “модернизированного” законодательства, жесткое идеологическое и мировоззренческое размежевание в обществе – все это препятствует эффек-

тивному использованию нормативно-правового ресурса со стороны власти для воздействия на граждан. Более того, такой ресурс еще менее дееспособен в эпоху “потрясений” в странах, подобных России, где принцип “правды” традиционно доминирует над принципом “права”, и актуальными являются высказывания: “Закон, что дышло” и “Наличие неудачных законов компенсируется их неисполнением”.

Что же касается *административного ресурса*, то под ним мы понимаем возможность манипулировать электоратом и результатами выборов, используя различные виды зависимостей политических игроков и населения от действующей власти⁷. Подчас такое манипулирование связано с прямым нарушением закона (и тогда говорят о фальсификации результатов выборов), но чаще ограничение конкуренции и давление на электорат происходит в “конституционных рамках”.

Нередко говорят о феномене так называемого управляемого электората. Административный ресурс дает “кумулятивный” эффект разве что в ситуации консолидации элиты, когда истеблишмент по идеологическим или прагматическим причинам принимает ценности модернизации и работает на их продвижение в общество⁸. Если же элита серьезно раздроблена, у нее отсутствует консенсус по поводу базовых ценностей и существует разное видение стратегических путей развития страны, то административный ресурс не столь эффективен и достаточно нестабилен.

Как показывает практика 90-х годов, в условиях политической и социально-экономической нестабильности центральная власть может за счет жесткого аппаратного давления отомобилизовать административный ресурс считанное число раз, причем постепенно его действенность падает.

Из всего набора “инструментов” наиболее эффективным с точки зрения воздействия на “переходное” общество остается *информационный ресурс*.

Каковы же причины такой его ответственности?

Во-первых, в условиях эйфории “информационной открытости”, сопровождающей слом информационно “закрытого” тоталитарного режима, возрастает степень доверия граждан к “четвертой власти” и сведениям, презентуемым ею. Это дает возможность обладателям информационного “преимущества” активно и надежно использовать данный ресурс для воздействия на умонастроения населения (в том числе, в качестве электората), формирования ценностных ориентаций и распространения позитивной или негативной информации.

Кроме того, достаточно эффективной, даже в условиях повышенной активности гражданского общества, становится тактика “замалчивания”. Последняя является, с одной стороны, вариантом нейтрализации и дезавуации политических противников, о которых общество просто не получает информации, а с другой – блокирования нежелательных (прежде всего, для действующей власти) информационных потоков и компрометирующих материалов.

Во-вторых, в постиндустриальном обществе власть знаний и информации становится решающей в управлении обществом, отесняя на второй план влияние денег и государственного принуждения. Причем непосредственными носителями и особенно распространителями знаний и другой социально значимой информации являются средства массовой коммуникации. Особо хотелось бы подчеркнуть, что государственное, административное и иное силовое принуждение все больше заменяется на информационное воздействие и психологическое принуждение. “Иметь

важную информацию значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть”, – так характеризуют роль информационного ресурса власти авторы учебного пособия по политологии ФРГ⁹.

Управленческая функция информации проявляется наиболее заметно в государстве. Здесь информация выступает в нескольких формах: как источник власти, как фактор регулирования политических систем и процессов, как момент политического управления и как продукт управленческого процесса.

Преобразования в социально-политической сфере, происходящие под воздействием новых коммуникационных технологий, носят весьма противоречивый характер. С одной стороны, они способствуют расширению “видимости”, открытости осуществления власти, а с другой – создают потенциальную возможность концентрации управления информационными потоками в руках достаточно узкого круга лиц, ставящих перед собой задачу направленного воздействия на массовое сознание или, если угодно, манипулирования им в политических целях. В последнем случае “видимость” власти может трансформироваться в “видимость демократии”, представляющую собой “господство хорошо организованного, опирающегося на экономическую, а также информационную власть и социальные привилегии меньшинства над большинством, осуществляемое при формальном согласии большинства граждан”¹⁰.

Необходимо отметить, что в условиях переходного периода очень сложно достичь подлинного плюрализма, объективности и независимости

масс-медиа. Причем помимо вышеуказанного “финансового фактора”, можно отметить широкую политизацию и ангажированность СМИ, провоцируемую остротой борьбы “консерваторов” с “модернистами”. Поэтому власть стремится минимизировать доступ в информационное пространство представителей оппозиции (прежде всего, несистемной), а ее противники стремятся к захвату СМИ (прежде всего, наиболее массового – телевидения) для пропаганды своих воззрений и имиджевого демонтажа правящего режима.

Острота борьбы за информационный ресурс провоцирует формирование информационного неравенства.

Таким образом, исследуя проблему “статуса” информационного ресурса в процессе политической модернизации страны, можно сделать следующие обобщающие выводы.

Во-первых, в период “демократического транзита” власти, ориентированной на модернизацию, приходится придерживаться, по большей части, “оборонительной” тактики, ориентированной на “сдерживание” давления оппозиции. Последняя же, эксплуатируя тему политического и социально-экономического кризиса, зачастую сопровождающего переходное время, стремится к дезавуации власти и перехвату у нее контроля над ресурсным потенциалом.

Во-вторых, в переходный период власть весьма ограничена в использовании ресурсного инструментария.

Так, например, ставка на силовой ресурс чревата потерей доверия общества и отходом от “демократических стандартов”. Финансово-материальные ресурсы в условиях кризисного времени недостаточны для “покупки лояльности” электората. Нормативно-правовой ресурс также практически недееспособен, поскольку в обществе еще не сложилось консенсуса по поводу базовых национальных ценностей. Поэтому в таких условиях власть ориентируется на консолидацию бюрократии для использования ее мощного административного потенциала, и особенно информационного ресурса, который позволяет за счет своей “виртуальности” и широкого охвата аудитории вести интенсивную и эффективную обработку общественного мнения как в ходе электоральных кампаний, так и в “рутинном режиме”.

В-третьих, жесткая борьба сторонников политической и экономической модернизации с противниками-“консерваторами” приводит к тому, что информационный ресурс распределяется неравномерно и в итоге формируются диспропорции в плане присутствия различных политических сил в медиа-поле.

К разновидностям информационного неравенства относятся информационно-политическое, экономическое, технологическое, корпоративное и др. В политической коммуникации оно может искусственно создаваться правящей элитой по отношению к оппозиции, лишаемой доступа к общенациональным средствам массовой информации (например, к ведущим телеканалам).

“Предельным выражением информационного неравенства является режим инфократии, означающий монополию правящей группы (элиты) на информационно-вещательную деятельность в обществе, помогающую последней удержаться у власти за счет манипуляции массовым сознанием”¹¹.

Примечания

¹ The Fontana Dictionary of Modern Thought (Словарь современной мысли) / Ed. by A. Bullock. L., 1994. P. 540.

- ² Милецкий В.П. Российская модернизация. Предпосылки и перспективы эволюции социального государства. СПб., 1997. С. 10.
- ³ Eisenstadt S.N. Modernization: Protestant change. N.Y., 1966. P. 1.
- ⁴ Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996. С. 5, 11–12.
- ⁵ Мельвилль А.Ю. Демократические транзиты. М., 1999. С. 8-9; Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968; Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. L.–N.Y., 1998. P. 68–78 etc.
- ⁶ Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 4, 17, 22..
- ⁷ Крыштановская О.В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 6.
- ⁸ Кириченко В.В., Парамонов Д.О. Административный ресурс в избирательных кампаниях. Ростов н/Д, 2003.
- ⁹ Politikwissenschaft: eine Grundlegung. Bd. 2. Stuttgart; Berlin, Köln, Mainz: Hrsg von Klaus von Beume, 1987. P. 60.
- ¹⁰ Грачев М.Н. Средства коммуникации как инструмент преобразования социально-политической действительности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2001. № 3. С. 100.
- ¹¹ Политология: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Ю.И. Аверьянова. М., 1993.

**Подписка на 2009 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**